

Много лет связывала нас с Ираклием Луарсабовичем Андрониковым дружба, несмотря на разницу в возрасте. Она возникла как бы сама собой — из встреч, бесед, совместных поездок.

Понимая, что судьба подарила мне редкую удачу — быть рядом с человеком необыкновенным, я старался не только прилежно усваивать его «уроки», но и добросовестно фиксировал в своих записных книжках его суждения о литературе и искусстве, рассказы о людях и событиях, наши дорожные разговоры. Это отнимало много времени, и порой мне хотелось бросить свои летописные упражнения — ну кому, кроме меня, они нужны, если об Андроникове знают все и все! И все-таки я продолжал.

Зато теперь, когда пришло время отдать долг прекрасному художнику и человеку, столько сделавшему для нашей культуры, мне достаточно раскрыть старые блокноты — и вот он, живой Андроников! Яростно спорящий, увлеченно рассказывающий, заразительно хохочущий...

В чынешнем сентябре ему исполнилось бы восемьдесят три. Большая, прекрасная, честно и талантливо прожитая жизнь.

Собираясь в Калининскую область, где в годы Великой Отечественной был он военным корреспондентом, Андроников попросил хозяев лишь об одном: никаких публичных выступлений и концертов, что не было капризом избалованного успехом мэтра. Ни в коей мере! Условие это продиктовало нездоровье: у Ираклия Луарсабовича болела нога, и врачи советовали вообще отменить поездку. Он же заупрямился, сказал, что не может нарушить данное слово.

И путешествие началось. Калинин проскочил без происшествий, ограничились посещением Музея тверского быта. В Торжок приехали к обеду, горя желанием отведать пожарских котлет, о которых говорили в дороге, вспоминая знаменитые пушкинские строки:

На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай
(именно котлет)
И отправься налегке.

Вот что такое пожарские котлеты! Они не только ублажали путника. Они вдохновляли его на возвышенные строки. Правда, для этого надо было быть не просто хорошим едоком, но и недурным поэтом...

НАШ обед в Торжке отодвинулся часа на два. Дело в том, что по невесте кем заведенной традиции первый визит по приезду более или менее знатного путешественника надлежало нанести в горком или райком партии. Андроников не был исключением, тем более что приехал в Верхневолжье по приглашению первого секретаря обкома КПСС Николая Гавриловича Корыткова.

По дороге Ираклий Луарсабович наставлял меня:

— Помните, что мы — простые приезжие. Никаких афиш и концертов! Навешаем грады и веси. Смотрим, восторгаемся, предаемся воспоминаниям... Вы уж, Алексей Степанович, проследите за этим, коли начальство поручило вам возглавлять это мероприятие.

Я обещал. Хотя знал, конечно, что соглашение высоких договаривающихся сторон будет нарушено: ведь не кто-нибудь едет — Андроников! И словно в воду глядел.

После небольшой беседы хозяева, несколько смущаясь, сказали:

— Уважаемый Ираклий Луарсабович! Как все замечательно совпало! У нас сегодня семинар пропагандистов. Здесь, в зале. Они уже знают о вашем приезде и ждут...

Пожарские котлеты снова отделились от нас.

Я поглядел на Андроникова. Он растерянно улыбался. По-

том заговорил как-то не очень уверенно:

— Видите ли, дорогие друзья, поездка наша носит сугубо частный характер и не предполагает публичных выступлений. У нас жесткая программа...

Но тут неожиданно вмешалась Вивиана Абелевна, его жена:

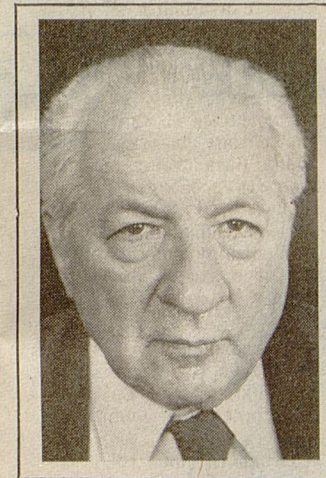
— Ираклий, ну как ты можешь! Ведь люди знают, что ты

ких лекарей. Хотя я не хочу сказать ничего плохого о здешних врачах. Наоборот. Они весьма искусно перебинтовали мою ногу. Да, да, товарищ Степанов, я строго выполняю предписание моего доктора в отличие от вас.

— Но мне ничего не предписывали, — ответил я, несколько удивленный этим замечанием.

Усадьба князя Церетели

А. Пьянов: из рассказа
об Ираклии Андроникове

здесь. Ну хоть на несколько минут.

— Нет, нет! — запротестовал Андроников. — Это несерьезно! Что значит на несколько минут? Вы говорите, что они ждут? Тогда чего же мы сидим здесь и теряем время? Ведите нас!

ПОСЕЛИЛИСЬ мы неподалеку от Торжка, в санатории «Митино». Некогда здесь было имение Львовых. Много славных людей навещало поместье, раскинувшееся на высоком берегу Тверцы. Заезжал сюда и Пушкин, о чем свидетельствует один из его рисунков — «Пейзаж с соснами», запечатлевший живописный уголок Митина.

До позднего вечера бродили мы с Ираклием Луарсабовичем тропинками старого, запущенного, но все еще прекрасного парка.

— Славно! — то и дело восклицал он. — Славно, что поехали, не послушались докторов. Удивительные места! Я теперь понимаю, почему он приезжал сюда. Рай земной!

Утром, зайдя в комнату Андрониковых, я застал Ираклия Луарсабовича за бритвем. Он выглядел бодрым и встретил меня традиционным своим восклицанием:

— А, это Степанов! Входи-те, входите! Давно ждем!

— Как спалось? — осведомился я.

— Прекрасно! Я раскрыл все окна, хотя их здесь всего два. Какой воздух! Кстати, от чего лечат в этом славном санатории? От неврозов? Это именно то, что нам надо! Здешний воздух исцеляет лучше вся-

— Ах, не предписывали! Вива, он прикидывается невинным младенцем! А кому было поручено строго следить за соблюдением нашей программы? Мне кажется, что именно вам, дорогой Алексей Степанович! Откуда же тогда появились пропагандисты? Молчите? К тому же вы сегодня безбожно проспали. И пока вы не жились в объятиях Морфея, я познакомился со здешними массажистами. Волшебники! Гениально! Это муж и жена. Они глухонемые. Нет, не местные, приехали, кажется, из Сибири. Вы не представляете, какие чудеса они творят! После этого сеанса я полон сил и готов путешествовать хоть целый месяц. Но, конечно, предварительно позавтракав. Хотя боюсь, что завтрак мы проспали. Может, хоть бутерброды остались...

Стол для нас был накрыт в общем зале. Официантки во все глаза глядели на Андроникова, не веря, что это именно он с таким аппетитом уписывает личницу, нахваливая поваров, восхищаясь бурно и громко. Как и вчера, когда, наконец, добрались мы-таки до пожарских котлет. Они, надо сказать, были хороши. Хотя до тех, настоящих, явно недотягивали. Но ведь где возьмешь сегодня, скажем, рябчика, который по рецепту французского должен непременно присутствовать в пожарском фарше?

Позавтракали, вышли из столовой и от неожиданности остановились как вкопанные: путь был прегражден рядами неизменно откуда появившихся стульев в числе до полусотни, на которых восседали улыбающиеся

санаторники. Андроников затравленно глянул на меня. Я только и смог, что развести руками. Эту гоголевскую сцену нарушили бурные аплодисменты.

Ираклий Луарсабович поклонился и шепотом — мне:

— Вы знали об этом? Невероятно... Когда же они успели притащить стулья?

Я что-то забормотал в ответ, но несмолкающие аплодисменты заглушили мои слова.

— Хорошо, — сказал он, — выясним в дороге. А сейчас, поскольку пути назад нет, придется выступать...

ВЫЯСНЕНИЕ «митинского инцидента» оказалось для меня весьма приятным, ибо вылилось в пространный монолог Андроникова о замечательном зодчем Львове, по проекту которого была сооружена только что покинутая нами усадьба. Я узнал столько интересного об этом ге-

изыщный мост через речку Жаленку, сложенный из громадных валунов! Да и название села — Грузины — необычно, загадочно. Впрочем, не для Андроникова. Здесь начал он свой рассказ о первых поселениях грузин в России. О Грузинской слободе в Москве, от которой и до наших дней остались названия нескольких улиц.

Грузинская тема стала главной в нашем разговоре. Он прервался, когда за окном машины мелькнул указатель: «Млевичи».

— Остановитесь, пожалуйста, — попросил Андроников водителя.

Небольшая деревушка казалась вымершей: ни души вокруг.

— Странное название, — сказал как бы про себя Ираклий Луарсабович. — Млевичи, Млеви... Что-то явно грузинское! Вы не знаете историю этой деревни? Откуда ее название?

Десятки раз проезжал я через нее, направляясь в служебные командировки, но никогда прежде не останавливался. Деревня как деревня. С небольшой церковью, которую, судя по идущему от нее запаху, приспособили под пекарню. Избы. Огороды. Старые деревья у дороги. Нет, решительно нечего было мне сказать о Млевичах. Правда, неподалеку, на холме, виднеется здание усадьбы. Но и оно никогда не привлекало моего внимания: сколько этих безвестных, полуразрушенных амбаров разбросано по Верхневолжью...

Мы шли по деревенской улице, и Андроников упорно повторял «Странно!» и «Не может быть!». Решили уже было возвращаться к машине, когда вдруг увидели на лавочке у ближней избы старичка.

— Дедушка, не знаете ли вы, чья это усадьба там, на холме?

— Как не знать? — бодро ответил старик. — Значит, усадьба эта князя Церетели.

Я чуть не упал от этих слов. А Ираклий Луарсабович вскричал с лавки и вскричал так громко, что испугал и нас, и старичка, и остановившуюся неподалеку собаку:

— Ага!!! Князя Церетели!!! Ну что, получили — маловеры и скептики?! А то говорят — не может быть. Как видите, может! А еще краевед тверской. Млевичи не знает...

Вдоволь «наглумившись» надо мной, он наконец успокоился и снова обратился к старику:

— А что там, в усадьбе, дедушка?

— Так ведь дом детский. Давно уж. Ребята живут. Да вы сходите, поглядите сами.

Мы попрощались, сели в машину и через пять минут подъехали к воротам усадьбы князя Церетели. Во дворе, зеленом и уютном, стайка малышей гоняла мяч. Увидев нас, они оставили игру, умолили, подошли поближе, вразной поздравлялись.

— Подождите! — сказала Вивиана Абелевна и быстро пошла к машине. Вернулась с коробкой конфет и стала угощать ребят.

...Давно скрылись из виду Млевичи. Выбежавшие на обочину деревья заслонили желто-белое здание усадьбы, а мы все молчали, переживая неожиданную встречу, напоминавшую счастливый случай путешественника, что не все прекрасно на этой прекрасной земле.

Фото Ю. Крылова.

145